

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Баню натопил стихами...

Павел Радочинский

Не топите баньку горькими стихами:
Рукописи, знаю, не сгорят дотла...
Помню, как на зорьке вместе с петухами
В мокром палисаднике вишня расцвела!

Мы с тобою русские, а не самураи.
Не бросайте рифмы в топку для огня!
Нас не развращали в глянцевоm журнале –
Веником берёзовым парила родня!

Угли воронные тлеют в поддувале,
В ковшике на доньшке греется луна...
Сторона родимая! Сколько повидали!
А стихи крамольные – горе от ума.

Плещутся метафоры в медном самоваре,
В мокром палисаднике вишня расцвела...
Ах, какие барышни здесь нас целовали!
Мы поэты русские – вот и все дела.

* * *

А в саду поспели вишни,
На варенье липнут осы.
Воробей, как солнце, рыжий
Расчирикался с берёзы.

Вперевалку ходят гуси,
Слышен беглый звон гитары...
У окна, в зелёной грусти,
Я с компьютером гутарю.

Деревенские напевы
И пейзажи – сплошь шедевры!
Вон, бельё полощут девы,
Все прекрасны, как Венеры...

Хорошо на тихой речке
У кувшинок и осоки.
Наши годы быстротечны,
Думы – благостно-высоки.

И мои друзья-поэты
В меркантильную эпоху, –
Неподкупные, как дети,
Разговаривают с Богом.

В ЭТОМ ДОМЕ КОЛЮЧИЕ СНЫ...

В этом доме колючие сны,
Будто хвоей набили подушку,
И шершавые шишки сосны
Бередят мою грешную душу.

Чуть колеблется пламя свечи,
На окне отражаются блики...
Это тёща в кромешной ночи
У иконы читает молитвы.

Как знакомы святые слова,
Что глаголила бабушка в детстве!
Поседела моя голова,
Потерялся серебряный крестик...

Только тянет в родные места
К заповедным кувшинкам лимана.
Слава Богу, что совесть чиста,
И жива моя добрая мама.

Сколько бурь пронеслось над страной!
Ветер свеж и, как рельсы, протяжен...
Ничего – мы тряхнём стариной
И отважно по рюмочке вмажем!

Я испил свою чашу сполна
И в распустье не сбился с дороги.
Краснопёркой всплывает луна
Прямо с неба в заветные строки.

Я опять у обрыва стою.
Мне до крови обветрило губы.
Всё равно эту землю люблю,
Как умеют любить однолюбы.

ПЕРВОКЛАССНИЦА

Мама мыла раму.
Из «Букваря»

Над городом курлычат журавли,
Как будто им пространства мало!
А первоклашки смотрят в «Буквари»
И по слогам читают: «Ма-ма».

О, сколько им явлений суждено
Открыть за школьную программу!
...Осенний дождик тренькает в окно,
А Маша снова моет раму.

И сиротливо смотрят из угла
Забывтый мяч и кукла Барби.
А школьница вертлява, как юла,
Косички прыгают по парте.

Сосед за бантик дернул не со зла
В порыве детского азарта...
Девчонка неуклюжа и мала,
Но расцветёт ещё внезапно!

Семь раз с деревьев облетит листва
И возвратится вновь на ветви,
Когда мальчишка вымолвит слова,
Которых чище нет на свете!

Отведает печалей сентября
И горечь школьного романа...
И всё опять начнется с «Букваря»,
Где по слогам читают: «Ма-ма!»

* * *

Ночью приходила мама
и светила фонариком.

(Сон как наяву)

Она приходит ночью.
Фонариком посветит
И говорит: «Сыночек...» –
Живая, как до смерти.

Стоит белее мела,
И дышит невесомо
Горюет, что без тела,
И не ночует дома...

На краешек кровати
Присядет до рассвета
В застиранном халате,
Мерцающая каплей света.

И строго так накажет
Племяннице и братьям:
«Живите дружно, Саша.
А дом не продавайте!»

От ледяного вздоха
Мне одеяла мало...
...Как ночью было плохо!
И приходила мама.

Что мне делать совсем одному
 Посреди мироздания и быта?
 Серым волком повайт на луну?
 Да она облаками размыта...

Зажимаю слезу в кулаке:
 Как пустынно без матушки в доме!
 Отражается детство в реке,
 Красный бакен горит на затоне.

Моет косы над плёсом ветла,
 Как вопросы, задумались цапли,
 И стекают проворно с весла
 Виноградно-багровые капли.

Это я так отважно гребу
 По судьбе на студёном рассвете.
 Кто там ждёт на крутом берегу?
 Никого. Только чайки да ветер.

Возвращаюсь к родному крыльцу,
 Где мои зарождались глаголы,
 И частицы Вселенной – пыльцу
 Собирают проворные пчёлы.

Ничего не приходит на память:
 Ни имён, ни событий, ни дат...
 Но всё время отчаянно тянет
 Выйти ночью в намокнувший сад,

Где на ветках змеиные тени,
 И луны апельсиновый срез,
 И дурман от персидской сирени
 Вдоль Икрянки разносит норд-вест.

Шебуршат моложавые листья
 В предкушенье весенних дождей...
 И рождаются вещие мысли
 В голове поседевшей моей.

Хлопнет ветер распахнутой ставней –
 Хлынет в горницу солнечный свет...
 И пойму я, что в мире светает,
 И с природой един человек!

А кукушка с берёзы опять куковала:
 Всё: «Ку-ку!» да «ку-ку». И отважно «ку-ку!»
 И считал я «ку-ку» – сколько жить на веку.
 А она, как на грех, куковать перестала.

И обидно мне стало до вещей слезы,
 Что я скоро уйду из прекрасного мира,
 Где любил постоянство Полярной звезды,
 Шорох трав, всплески вёсел и волн Бахтемира.

Где нашёл я однажды подкову в золе –
 «Опалённое счастье», – промолвила мама.
 Я влюблялся и пел, как скворец на заре,
 И меня целовала Крестовая Дама!

Каркал ворон – предвестник разлуки-беды,
 И дрожала роса на кустах краснотала.
 Я стоял на яру у дремучей ветлы.
 ...А кукушка с берёзы опять куковала.

ВОРОБЕЙ

Я когда-нибудь стану растением,
 Перейду в шелестенье страниц.
 Приходи ко мне в полдень весенний,
 С молодым топольком обнимись!

И почувствуй, как бродит по порам
 В ритме пульса живительный сок.
 Рвутся почки, и слышится шорох,
 Нарождённых до времени строк.

В прошлой жизни я был человеком,
 Не имевшим доходных рублей.
 На моих перепутанных ветках
 Поселился смешной воробей.

Все чирикает: зной или дождик.
 Даже вьюга ему нипочём!
 Может быть, он опальный художник
 С городских позабытых трущоб?

Я поэт, не поладивший с веком,
 И отнюдь не плебейских кровей.
 В прошлой жизни я был человеком.
 Почирикаем, брат-воробей?

АРМЕЙСКОМУ ДРУГУ

Как живёшь, ефрейтор Кобылинский?
По какую сторону Майдана?
Пьёшь горилку, водку или виски –
В башне танка иль в тени каштана?

Только этим не залечишь нервы,
Если брат с оружием на брата...
А ведь все мы христианской веры
От Крещатика и до Арбата!

Мы родня по духу и по крови:
Щит Олегов на воротах Царьграда!
Но тревожно за Сулою ржали кони,
Обагралась маками Непрядва.

И рождалось в муках государство,
В Киев-город всех вела дорога.
Спят в курганах и могилах братских
Воины без страха и упрёка.

А у нас с тобой «ключи от неба»,
И в квадраты втиснуты зарницы...
Помнишь, я читал стихи о вербах,
А ты звал в Днепровскую станицу?

Здесь теперь район военных действий,
Дым пожарищ – даже солнце меркнет.
И, глумясь над памятью, злодейски
Свастика чернеет возле церкви.

Как же так, товарищ Кобылинский?
Растоптали Родину и веру...
Эх, явился бы Богдан Хмельницкий
И прищучил этого Бандеру!

Ты кохаешь дивчину в Донецке,
А в развалах каркает ворона.
...И горит огнём калёным в сердце
Шрам от Беловежского разлома.

* * *

Я с трудом размыкаю капкан немоты,
Не могу докричаться до ровней своих...
А на Красном бугре вырастают кресты
Закадычных друзей – одногодков моих.

Ах, какие все были они пацаны!
Но спились иль погибли в разборке крутой...
Мы – последние дети великой страны.
Это кто там стоит у обрыва с клюкой?

Лейтенанту в походах не жмут сапоги:
Он в боях пол-Кавказа прошёл без дорог
И в Чечне схоронил половину ноги,
Но безногий сапог, как зеницу, берёт...

Я оглох от словесной пальбы и вранья,
От казённых бумаг леденеет висок...
На колхозных полях – караван воронья,
Да седую полынь заметает песок.

На лугах у Икрянки растёт лебеда.
На корявых дорогах – удушливый смог...
И опять я шагаю, видать, не туда.
А куда, если Ерик совсем пересох?!

Есть примета, что много грибов не к добру:
Будет много гробов и семейных утрат.
...Это кто там стоит на кручёном яру –
Мой двойник, лейтенант или маленький брат?!

